

Часы ЖИЗНИ

Наталья Максимовна

16+

Наталья Александровна Максимова

Часы жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24157328

SelfPub; 2019

Аннотация

Жизнь Влада, курсанта военно-воздушной академии, протекает насыщенно и весело. Он единственный наследник известной фамилии Ароновых. Судьбой ему уготовано блестящее будущее, но один-единственный случай перечёркивает всё. «Через признание ты получишь прощение, а если попытаешься из виноватого превратиться в правого, то только усугубишь собственную вину». / Пенн Вильям /

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	23
Глава 5	32
Глава 6	39
Глава 7	45
Глава 8	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Через признание ты получишь прощение, а если попытаешься из виноватого превратиться в правого, то только усугубишь собственную вину.

/ Пенн Вильям /

Глава 1

Большой, добротный дом тонул в омытой дождём зелени. Задумавшись, обняв руками колени, худенькая, невысокая девушка сидела на скамье в саду. Она низко склонила голову, облокотившись о старую, почерневшую от времени, хлипкую стену беседки. Внезапно налетевший порывистый ветер заставил Веру зябко поёжиться, разметал по плечам её длинные, тёмно-каштановые волосы.

Сжимая до боли грубые доски, закрытой на щеколду калитку, Толик не мог решиться войти во двор или хотя бы произнести слово. Парень боялся, что это всего лишь сон, который от малейшего, неловкого движения бесследно растает. Если бы кто знал, сколько подобных снов он видел! Каждую ночь, на протяжении трёх бесконечно долгих лет. Казалось, вот сейчас жестокая реальность поглотит и этот знакомый с первых дней дом, и густо посаженный весенний сад, и самый родной, нежный образ. Стылый ветер срывал с пасмурного, затянутого тучами неба крупные, холодные капли. Резко швырял в лицо, как будто доказывая, что Толик действительно дома! И перед ним Вера, его Вера. Как же она изменилась, стала почти взрослой. Уезжая, Толик захватил с собой фотографию большеглазой, нескладной девчушки.

Тогда Вере не исполнилось ещё и пятнадцати. Парень бережно, как талисман, хранил этот крошечный, чёрно-белый снимок. Утром он придавал силы просыпаться, начинать новый, несносно однообразный день. Вечером же, когда стихали голоса, когда тоска сжимала душу и хотелось выть от бессильной злобы, Толик неотрывно, до жжения в глазах, смотрел на чуть заметный в темноте родной, детский профиль...

Гость провел рукой по лицу, отгоняя непрошенные воспоминания. Вдруг он заметил, что по щекам Веры катятся слезы. Всё стало неважным. Толик быстро открыл калитку и бесшумно прошёл по мокрому граввию.

Вера удивлённо приподняла голову, украдкой вытирая слезинки.

– Толя! – неуверенно, растерянно прошептала. – Толя! Не может быть!

Вскочив, девушка бросилась в объятия гостя.

– Неужели это, правда? Почему же ты ничего не писал?

Толик осторожно обнял молодую хозяйку, взяв на руки, закружил по двору. Потом прижался лицом к её пушистым, мягким локонам. Он наслаждался таким знакомым, не с чем

несравнимым, запахом родных волос.

– Ты стала настоящей красавицей! – едва слышно, прерывисто выдохнул.

– А вот ты совсем не изменился, – улыбнулась Вера, – ни капельки. Может, возмужал немного. Ну, чего мы стоим? Пойдем быстрее в дом!

Толик ещё сильнее обнял хрупкую, как тростинка, девушку, но остался на месте.

– Вер, я... я заехал всего лишь на несколько минут, – голос был чужим и непривычно хриплым. – Извини... я найду работу в городе и забуду этот дом. По-другому... не могу...

– Это из-за папы? – Вера приложила все усилия, чтобы не выдать охватившее её отчаянье. Ответ на заданный вопрос, она и сама знала. И всё же глубоко вздохнув, кивнула:

– Я понимаю...

Толик смотрел вдаль, где зеленело весеннее, озимое поле, где радугой переливались омытые дождём, новенькие, только купленные трактора.

– Как он? – устало выдавил пареньь.

Вера опустила голову:

– Ни малейших изменений... Пойдём, я хотя бы накормлю тебя с дороги.

В небольшой, уютной кухне пахло сдобой. Толик чуть прищурился, он присел в плетеное кресло, наблюдая, как суется, заботливо накрывает на стол хозяйка.

– Ватрушки, – мечтательно протянул пареньь, – мои любимые ватрушки!

Вера засмеялась:

– Знала бы, что приедешь, обязательно испекла бы их. А так, увы, только пирожки с клубникой.

Толик не успел ответить, из соседней комнаты послышался голос:

– А ко мне зайти не нужно?! Ну, конечно – конечно! Кто я теперь? Калека! Бревно лежащее!

Пареньь вздрогнул, невольно побледнев. И всё же он встал,

направился в спальню.

– Добрый день, – приглушённо, опустив голову, поздоровался. – Андрей Тимофеевич, как вы себя чувствуете?

Лежавший на кровати мужчина презрительно сощурился. Он был молод, лет сорока пяти. Высокого, крепкого телосложения, только вот не возможность двигаться сделала его беспомощным.

– Ждёшь, гадёныш, когда схохну? – громко хмыкнул хозяин, в его впалых, бесцветных глазах, вспыхнул злой огонек. – Напрасно! И копейки не получишь! Я лучше всю технику на металлолом переправлю. Не думал, так скоро увидеть. Быстро время летит. Ну и что дальше? Деваться некуда? Вернулся ко мне на поклон?

– Папа, как ты можешь?! Немедленно перестань! – не выдержала едкой, злорадной издёвки Вера. – Зачем ты так?

Мужчина сплюнул:

– А что, я должен цацкаться с этим щенком?! Дармоед! Безродная и подзаборная дворняга!

– Андрей Тимофеевич, я это уже слышал тысячу раз, –

сухо перебил Толик. – И, поверьте, за три года не забыл.

– Ха! Ещё миллионы раз услышишь! Грязная, блохастая шавка...

В ответ на прорвавшуюся, бесконечную брань отчима, Толик усмехнулся. Развернувшись, он молча вышел на улицу. Парень устало прислонился к крыльцу. Дождь закончился. С деревьев уныло спадали одинокие капли. Своих родителей Толик смутно помнил. Когда погиб отец, а потом и мать, он был слишком мал. Сейчас же в памяти всплывали лица, обрывки воспоминаний. Вот мама, перекинув через плечо длинную рыжую косу, весело, заливисто смеётся. Была ли она действительно такой счастливой уже никогда не узнать. Но как хотелось верить, верить в это.

Глава 2

Далеко от столицы, в небольшой, забытой всеми деревушке, под незатейливым и смешным названием Бережки, текла своя жизнь. Со своими правилами. Как и везде, в наши непростые времена, сельское хозяйство пришло в упадок. Местные жители перебивались редкими заработками, в надежде хоть как-то прокормить детей.

В отличие от многих других обанкротившихся фермеров, отец Толика расширялся, скупал всё новые и новое земли. Его поля приносили стабильную, высокую прибыль. Односельчане охотно нанимались работать, уважая хозяина за прямой и открытый характер.

В Бережках каждый знал, Евгений Федорович – закоренелый холостяк. До сорока лет его не видели в женской компании. Строгий, угрюмый. А потому, внезапное, неожиданное известие всколыхнуло всю округу. Хозяин готовится к свадьбе! Избранницей старого холостяка стала неприметная, неказистая, семнадцатилетняя девчушка. Гул непонимания, удивления прокатился по деревне. Но ни молва, ни пересуды не испугали Евгения. Нет, Оксана не была красавицей: худое, продолговатое лицо, фигура поджарого подростка. Чем

же она умудрилась покорить столь завидного жениха? А может девчонка его приворожила? В ответ на бесконечные, назойливые расспросы, Евгений отмалчивался. Он знал – из всех писаных-расписанных местных див – равной его Ксюше нет. За её улыбку, за блеск серых, лучистых глаз, за толстую, огненно-рыжую косу, без сожаления, он распрощался с былой одинокой жизнью.

Ближайший сосед Евгения, Андрей Тимофеевич, в Бережки приехал относительно недавно. О причине заставившей коренного горожанина из столицы перебраться в глубинку, односельчане могли только догадываться. На деревенский люд он смотрел брезгливо. Андрей приобрёл громадные земельные угодья, купил самую дорогую технику. Только вот ни единого урожая так и не собрал. Как рок! Его во всём подстерегала неудача. То семена не взойдут, то дождь уничтожит пшеницу. Новейшие трактора простаивали без дела, на полях царствовал высокий бурьян.

Евгений искренне жалел соседа. Ему было досадно, что чудесные машины ржавели, а земля, которая приносила бы колоссальную прибыль, запущена.

– Эх, Андрей, – наблюдая за тщетными, бесполезными попытками соседа навести порядок, вздыхал Евгений Федорович, – тебе не хватает ведь самую малость. Опыта у тебя нет.

– Ну куда уж мне! – со злой усмешкой, огрызнулся собеседник. – Ты же здесь, для местного быдла – барин, а вернее даже король!

Не обращая внимание на сарказм, Евгений только отмахивался.

– Скажешь такое. Не хмурься, я не хотел тебя задеть. Просто с твоими возможностями...

Андрей пренебрежительно фыркнул:

– Ну, не всем же холопами рождаться.

– Не прав ты, Андрей, не прав. Холопы землю не имели.

– Крестьянская душа! – сквозь зубы, презрительно цедил сосед. – Для тебя это и есть жизнь!

Евгений охотно соглашался:

– А мне другой и не надо! Если объединить наши владения, в выгоде оба будем.

– Ха! – только посмеивался сосед на такие предложения. –

Зачем тебе это? Ты же хозяин! На своём месте! Или и у королей бывают проблемы? Техника моя покоя не даёт?

Обычно Евгений заканчивал на этом разговор, но однажды пылко, доверительно выдохнул:

– Понимаешь, у меня сын скоро появится! – Евгений не обращал внимания на пренебрежительный взгляд собеседника, ему хотелось выплеснуть радость, поделиться новостью. От волнения голос дрожал: – Сын! Наследник! Так что мне расширяться нужно. Есть теперь для кого!

– Ну, пир тогда готовь, – сухо обронил Андрей. – Царского детёныша встречать будем.

– Да я... я такой праздник закачу! – от переполнявших чувств Евгений не мог подобрать нужных слов. – Бережки надолго запомнят.

Сосед с издевкой, колко рассмеялся:

– Ну-ну! Представляю, как обрадуется местная пьянь. Смотри, а то и мальчонка таким же алкашом вырастет. Хороший наследничек будет!

И всё же подумав, Андрей Тимофеевич на сделку согла-

сил. Объединение оказалось выгодным, и в первые же годы оправдало самые смелые ожидания. Слияние двух крупных землевладельцев положительно повлияло на жизнь в Бережках. Доходы увеличились, появилась стабильность, уверенность в завтрашнем дне. Вот только отношение односельчан и рабочих задевало Андрея. Для них, как и прежде, единственным хозяином оставался Евгений. Это вызывало ссоры, усиливало вражду между партнерами. Часто вспыхивали необоснованные, бурные перепалки:

– Чего ты к ним цепляешься? – пытался уладить очередной конфликт Евгений Федорович. – Мужики с утра до ночи на полях. Жён сутками не видят. А тут ещё ты их дергаешь! Работают? Ну и отличного! Что ещё нужно?

– Конечно – конечно! – мрачно усмехался Андрей. – Барин заявился, защитник! Они же в ножки тебе кланяются.

Хотя недопонимания оставляли неприятный осадок, и, возможно, где-то глубоко в душе, Евгений раскаялся о своём скоропалительном решении соединить земли, всё же он не придавал особого значения этим ссорам. У него подрастал чудесный, белокурый мальчуган. Малыш, как тень, всюду следовал рядом с отцом. А дома его нетерпеливо ждала любимая Ксюша, которая, даже после пяти совместных лет, не утратила былой власти над мужем.

* * *

Что произошло той злополучной осенью, так и осталось тайной. Пересудов, толкований ходило множество, но они были всего лишь неподтвержденными догадками, подозрениями, вымыслами.

Ночью жители Бережков проснулись от треска яркого, поднимающегося к небу пламени. Огромный амбар, до верха наполненный золотым зерном, пылал словно спичка. Огонь безжалостно пожирал труды целого года. А совсем рядом находился гараж с комбайнами и тракторами. Люди не сговариваясь бросились спасать технику. Едкий дым застилал глаза, не давал дышать. Евгений Федорович уже завёл мотор трактора, когда обгоревшая крыша рухнула. Послышались полные ужаса крики.

Только к обеду следующего дня пожар удалось погасить. Односельчане с болью наблюдали за Оксаной, в свои неполные двадцать пять, оставшейся без мужа. По деревне поползли слухи о поджоге.

Потеря урожая стала сокрушительным ударом для жителей Бережков. Нужно было думать о следующем посеве, с нуля покупать технику. Надежды оставались лишь на Ан-

дрия Тимофеевича, теперь единственного хозяина. Мужчине не скупился, щедро оплачивал любые предоставляемые ему счета. Это немного успокоило односельчан.

Но не прошло и полгода, как деревня снова всколыхнулась. Ранней весной Андрей Тимофеевич сделал предложение супруге погибшего компаньона. Осуждать Оксану не решился никто. От весёлой, жизнерадостной девчонки не осталось и следа. Напуганная, сломленная, с малолетним сыном, она как утопающий искала спасение. Оксана, привыкнув во всем полагаться на Евгения, привыкнув к его заботе, любви, не знала, как жить дальше, как одной воспитывать малыша. Она, не раздумывая, ответила согласием, на столь неожиданное сватовство. Только вот приноровиться к холодной пренебрежительности нового мужа, не смогла. Затосковала. Всё глубже и глубже она погружалась в оцепенение. Поглощённая лишь ей известными мыслями, Оксана уже не возвращалась к реальности. Попытки соседей, хоть как-то отвлечь, помочь не приносили результат. Единственный кто не замечал ужасного состояния жены, был Андрей. Для него её просто не существовало. Хозяин Бережков часто уезжал в город, подолгу пропадая там. А когда вся деревня собралась на похороны, в последний раз проститься с Оксаной, Андрей в тайне вздохнул с облегчением. Вот только остался пасынок. Избавиться от него Андрей побаивался. Односельчане не простили бы этого. Недовольство и подозрительность жителей

Бережков усилилась.

Андрей даже не пытался скрывать ненависть к мальчику. Толик был копией Евгения. Те же задумчивые, серые глаза, тот же спокойный, открытый взгляд. Он не грубил, не угрожал, но что-то в его присутствии заставляло отчима вспоминать ту злополучную осеннюю ночь.

Большую часть своего времени пасынок проводил с рабочими. Ездил с ними на поля, крутился в мастерской. Андрей брезгливо морщился. «Такая же чернь, как и покойный папаша!» – язвительно насмехался он, в очередной раз, застав Толика помогающего убирать урожай. Зато мужики мальчонку любили, признавали его своим. А рассудительность, живой ум Толика заставлял даже взрослых, опытных специалистов советоваться с парнишкой, доверительно рассказывать свои заботы, проблемы. Возможно, они так же, как и Андрей, видели в подростке бывшего хозяина, о котором скучали.

Вскоре Андрей Тимофеевич из столицы привёз в Бережки шестилетнюю девочку. Что это за ребенок, объяснять мужчина не считал нужным. К малышке он был равнодушен. Когда заставлял её в слезах, прижимающую к груди единственную куклу, грубо бросал:

– Привыкай, здесь няnek нет! Реветь бесполезно.

Девочка пыталась сбежать, спрятаться в самый дальний угол. Большие, тёмно-карие глаза испуганно смотрели на мир. Толику потребовалось огромное терпение и нежность, чтобы кроха оттаяла.

– Мой маленький ежонок, – так часто называл мальчик Веру.

Если бы не кроха, он давно ушел бы от отчима. Но напуганное, беззащитное, маленькое существо в один миг стало дороже всей вселенной, дороже собственной, пустой, никому не нужной жизни. Рано потеряв родителей, Толик всю свою любовь, теплоту отдавал Вере. Он пытался, хотя бы изредка, заставлять её улыбаться. Придумывал всевозможные способы, чтобы отвлечь от воспоминаний о доме, о матери.

Глава 3

Причастность Андрея Тимофеевича к тому страшному пожару так и осталась всего лишь слухом. Но то, что судьба приготовила ему самому, даже у заядлых недоброжелателей вызывало сочувствие. Пусть они продолжали говорить, о заслуженной каре, всё же в душе жалели хозяина.

Перед началом сбора пшеницы, закупили тройку новеньких комбайнов. Как полагается, «лошадок» искупали шампанским, выпили, чтобы техника долго и надёжно служила. А потом Андрей Тимофеевич весело попросил прокатить его кружочек на чудо-машине. Просьбу с восторгом подхватили. Когда комбайн вернулся, раздались аплодисменты. Впервые рабочие видели на лице хозяина довольную улыбку. Но то ли его укачало от езды, то ли неудачно поставил ногу, слезая, хозяин оступился и рухнул. Сначала он упал на железную перекладину, а потом и наземь.

Новая трагедия закрепила за Бережками недобрую славу. Второго владельца постигло несчастье. При падении Андрей Тимофеевич повредил позвоночник. Как он не противился, всё же вынужден был передать управление пасынку. Мысль о том, что хозяином стал сын его давнего соперника, сводила

с ума. А спокойствие, с которым парень сносил оскорбления, казалось издёвкой над его беспомощностью.

Когда исчезла довольно крупная сумма, и Толику предъявили обвинение в мошенничестве, он был уверен – это недоразумение, ошибка! Позже Толик узнал, что Андрей Тимофеевич всё тщательно спланировал, подговорив главного бухгалтера. И всё же, парень до последнего надеялся, что отчим не позволит ему оказаться за решёткой.

* * *

Толик неотрывно смотрел вдаль. Картины воспоминаний безжалостно сменяли друг друга. В затуманенных глазах колыхалось зелёное поле. Вера осторожно подошла, положила голову на плечо парня.

– Прости его. Если можешь, прости, – прошептала одними губами.

Толик не поворачиваясь, крепко сжал ладонь сестры.

– Не тебе просить прощенье.

– Толя, – так же тихо продолжила Вера, – я мало понимаю в делах, но мы полностью обанкротились. Денег нет даже на

лекарства.

Глаза Толика округлились:

– Но... это невозможно, – удивительно выпалил парень. – Когда я уезжал, доход был стабильным, прибыль увеличивалась с каждым сезоном. Мы прикупили новые...

Толик резко замолчал, грустно улыбнувшись. Известие ранило, задело живые струны. Бережки значили больше, чем парень хотел бы признать.

– Впрочем, – прошептал Толик, – об этом пусть Андрей Тимофеевич спрашивает у своего бухгалтера. Он довольно сообразительный.

– Если ты нас оставишь сейчас... – Вера прикусила губу, пытаясь сдержать волнение. Она очень переживала об отце, но о брате вдвойне. – Ему нужна твоя помощь. Папа не в состоянии контролировать...

– Помощь? – с горечью переспросил Толик. – Нет, Вер. Дальше пусть как-то обходится сам. С меня довольно. Я не останусь... и дня не останусь в этом доме.

Глава 4

Из приоткрытого окна утренний свет заливал комнату. В свежем, чуть прохладном воздухе витал пряный аромат цветов, зелени и моря. Стены просторной, широкой спальни увивало множество лиан. Их массивные, огромные, темно-зелёные листья не давали возможность определить, что же это: чудный, диковинный сад или изящный, сказочный чертог? Из мебели – всего лишь кровать, которая занимала большую часть комнаты.

Лежавший парень не открывал глаз, он вслушивался в щебет птиц за окном. Тёплые лучи солнца призывали проснуться. Подчиняясь их настойчивому требованию, Влад взглянул в окно. На его губах появилась едва заметная улыбка. Горизонт тонул в алых лучах утреннего солнца. Морская гладь горела, переливаясь тысячью золотых оттенков. Весеннее, ясное утро. Влад попытался вспомнить, каким был день вчера. Жарким, прохладным, а может дождливым? Хотя вряд ли. В этом, созданном людьми раю, ненастье исключено! От улыбки не осталось и следа. Сколько же он здесь? Недели, месяцы? Как ни пытался парень что-то вспомнить, всё сливалось. Обрывки фраз, нечеткие контуры и глубокая-глубокая темнота.

Влад усмехнулся, иронично выдохнув:

– Алексей Викторович неплохо знает своё дело.

Внимание юноши снова привлёк горизонт. Вдали, едва различимыми точками, виднелись покрытые снегом вершины гор. Их прохлада, спокойствие непреодолимо манили.

Влад попытался приподняться, но крепко зажмурившись, был вынужден обратно лечь. В ушах стоял оглушительный вой, а перед глазами кружилась дикая, шальная, черная метель. Передохнув минуту, Влад всё же встал. Придерживаясь за спинку кровати, пошатываясь, не спеша прошёл к окну. Всю поляну, насколько мог охватить взгляд, до самого берега, покрывали тысячи тысяч цветов. Буйство, разнообразие видов и красок. Сочетание всевозможных, удивительных орнаментов, затейливых, фантастических сюжетов. Целые картины. Влад досадливо поморщился. Он с жадностью смотрел туда, где виднелись пики гор. Заснеженные, неприступные, они звали к себе.

В дверь легонько постучали. Не дожидаясь приглашения, как хозяин, в комнату вошёл мужчина. Влад не стал поворачиваться, он и так знал, кто его посетитель.

Гостю было лет сорок – сорок пять. Широкие, чуть вздернутый брови, бороздящие лоб глубокие морщины придавали лицу суровости. И всё же лукавые искорки в песочно-карих глазах немного сглаживали первое впечатление, выдавая, что их обладатель имел хорошее чувство юмора. Элегантный, деловой костюм, тщательно уложенные в щегольскую причёску волосы. Визитёра можно было скорее принять за модного денди, чем за представителя столь уважаемой профессии.

Увидев своего подчинённого, мужчина застыл на месте, но быстро взяв себя в руки, улыбнулся:

– Доброе утро, Владислав. Уже проснулись? Очень хорошо...

– Серьезно? – продолжая смотреть в окно, с издёвкой спросил парень. – Алексей Викторович, вы просто не рассчитали снотворное.

Доктор невольно вздохнул, признавая правоту собеседника:

– Но вы же знаете, вам нельзя подниматься...

– Почему? – Влад, ухватившись за подоконник, резко по-

вернулся. – Неужели есть хоть малейшая разница?

Некоторое время в комнате стояла тишина. Два взгляда испытывающе смотрели друг на друга. Не выдержав, Алексей Викторович отвёл голову в сторону. Он пристально изучал только начинающий распускаться, белый бутон гигантской, многолетней лианы.

– Понимаю, – как можно беззаботней и дружелюбней заговорил доктор, – вы устали, сейчас тяжёлый период. Но мы обязательны... Владислав, мы должны попробовать!

Собеседник криво улыбнулся:

– В который раз? – хриловато спросил он. – Только правду: что-то изменится?

Доктор с наигранным возмущением поднял руки:

– Да это уже бунт! Настоящий бунт, – мужчина попытался перевести разговор в шутку.

Но тёмно-голубые глаза неотрывно смотрели на него.

– Я задал вам вопрос: что-то изменится? – спокойно повторил Влад. – Хотя... не нужно... Не отвечайте. Я уже все

понял. Ваше промедление говорит само за себя. Знаю, вы умеете убеждать, только...

Парень снова повернулся к окну:

– Только... я... вам больше не верю! Предупредите родных, я возвращаюсь домой, – последние слова Влад отчеканил. Потом с улыбкой кивнул на далёкие горы. – Алексей Викторович, я хочу туда.

Доктор удивлённо приподнял бровь:

– Владислав, это безумие! Вам нельзя нагрузки. Вы никогда не дойдёте!

– Что ж, пусть будет так, – перебил собеседник, пожав плечами. – Какая разница.

* * *

Вера прислонилась к косяку двери.

– Толя, – негромко окликнула она, продолжающего молчать брата. – Ты вправе поступить так, как решил. Можешь сейчас же уехать и больше о нас не вспоминать. Но я хочу, чтобы ты знал: в любое время здесь тебя ждут.

Толик благодарно, тепло улыбнулся:

– Моей семьёй, всегда была лишь ты. А большего мне и не нужно.

В конце улицы показался высокий столб серого тумана. Дымчатым полотном повис над грунтовой дорогой. То, поднимая клубы пыли, неспешно шествовало к водопою стадо коров. Послышались отрывистые крики пастуха. Сухенький, согнутый дедок семенил позади, угрожающе помахивая гибким тонким прутом.

– Куда пошла? Куда, окаянная? – время от времени кричал старик. – Эх, неразумная, куда ж тебя несёт-то!

Но вдруг пастух резко остановился. Он забыл и о стаде, и о вечно пытающейся сбежать рыжей Зорьке.

– Толька, ты? – дедок, как будто отгоняя наваждение, потёр глаза. – Да как же это? Или мне жара затылок напекла?

Засмеявшись, Толик быстро пересёк сад. Открыл калитку и подбежал к старику:

– Я, дед Вань, я!

– Вернулся всё-таки! – всплеснул руками сосед. – Ну наконец-то! А я подумал, мерещится!

– Оно и не удивительно, что мерещится, – улыбаясь, прищурился Толик. – Наверное, с самого утра пол-литра пригостили?

Старик украдкой посмотрел по сторонам:

– Тише – тише! Ты что, Толя? Что говоришь такое? Ну рюмочку за едой, и то одну!

– Эх, дед Вань, – рассмеялся парень, – знаю я вашу рюмочку! Помните, как три дня стадо искали?

Дедок обиженно засопел:

– Нашёл о чём вспомнить! Я обрадовался, а ты... Нет, чтобы самому угостить! Так он ещё и упрекает! Мы ждали тебя...

Толик крепко обнял старого друга:

– Ну, за этим дело не станет.

– Вот это по нашему! – обрадовался дедок. – Вот это разговор! Мужики как узнают, что ты здесь...

– Всех! Всех, дед Вань, соберём! – продолжил Толик. – Главное, Андрея Тимофеевича не забыть! На самое почетное место посадим...

Старик отступил на шаг:

– Ты что, Толька?! Водка в рот не пойдёт!

– Да шучу я, шучу, – опустив голову, прошептал парень. – Мерзость мы для него, а не люди.

Сосед с досады плюнул:

– Больно он нам нужен! – пробурчал старик, но заметив Веру осёкся. – Дай хоть на тебя насмотреться...

– На меня-то вы смотрите, – кивнул Толик, – а вот куда стадо пошло, не видите!

– Ох, окаянные! – вспомнил про живность пастух. – Куда ж вас занесло?! А ну назад! Назад, говорю!

Дедок побежал, а Толик, облокотившись о калитку, смот-

шел ему вслед. Как долго он не был дома!

Глава 5

Солнце то выглядывало, то снова пряталось в вершушках далёких гор. Прохладный воздух благоухал терпким, чуть сладковатым ароматом многочисленных цветов. Пестрый, радужный ковёр раскинулся на несколько километров, до самого скалистого подножья.

Влад медленно шёл по извилистой, круто поднимающейся тропке. От долго пребывания в палате голова кружилась, в глазах рябило. Хотелось остановиться, упасть в мягкую, высокоую траву. И всё же шаг за шагом, Влад продолжал упрямо идти, не отрывая взгляд от заснеженных пик. Каждый вдох обжигал грудную клетку, пронизывал её, словно ножом. Но казалось там, в горах, станет легче. Наконец угаснет этот нещадный, испепеляющий жар. Угаснет, затихнет...

Ветер играл в цветах, клонил к земле нарядные бутоны. Прерывисто дыша, Влад остановился. Он с тоской смотрел на всё такие же далёкие горы. Заснеженные шапки сливались с бесконечной гладью голубого неба. Если бы взобраться на самый верх. Увидеть всю окрестность: безлюдный, одиноко дремавший берег, череду угрюмых скал, вздымающиеся пеной, ледяные волны. Запомнить, забрать их с собой... Ту-

да... в пустую, неумолимую вечность.

Как же часто Влад, на своем верном, железном друге, взметал к облакам, парил, словно птица над городом, не понимая, что эти минуты бесценны. Парень чётко представил рёв мотора, ощутил холодок родного штурвала. Ещё бы раз, хоть разок... Но верный друг, теперь груды обгоревшего металла. Конечно, стоит сделать один-то звонок. И здесь, через считанные минуты, появиться вертолёт. Он легко поднимется в небо, туда, где нет границ. Парень крепко сжал пальцы. Раньше, не задумываясь, он так бы и поступил. А вот сейчас... от одной мысли замирает, стынет сердце. Нет, Влад, как и прежде, не боялся высоты. Только вот с тех пор многое изменилось. Его самого как будто резко вырвали из привычной среды. Подняли в заоблачную высь. И оттуда, что-то различить, понять невозможно. Остались лишь контуры, едва различимые контуры прошлого.

Влад устало опустился на мягкую, налитую весенним соком траву. Идти дальше сил не было.

Чья-то тень заслонила солнце. Парень не смог сдержать улыбки:

– Ненадолго же вас хватило.

– Как вы? – доктор озабоченно наклонился к своему пациенту. – Вам плохо?

Юноша покачал головой:

– Ошибаетесь! В сравнении с полусном последних месяцев, я чувствую себя просто отлично.

Понимая, что состояние парня критическое, мужчина вздохнул:

– Предлагаю мировую: вы возвращаетесь в палату, а я выполняю любое ваше требование!

Влад иронично прищурился:

– А уверены, что потяните? – с лукавой улыбкой начал Аронов, но потом резко замолчал, и совсем другим тоном, тихо выдохнул. – Алексей Викторович, дайте слово, что... я проснусь после операции.

Доктор не отвёл взгляда, но продолжал молчать.

– Я сделаю всё, что в моих силах, – наконец, после долгой паузы, выдавил он.

Парень кивнул:

– Верю, но если бы не настаивали родители? Если бы влияние Ароновых, не было так велико, вы бы решились?

– Влад, – отбрасывая всякую формальность, проговорил Алексей Викторович, – ты же и сам всё знаешь, не хуже меня... Шанс один из тысячи, но мы должны, должны рискнуть...

– Нет, – жёстко бросил собеседник. – Сегодня же, я вернусь домой.

* * *

Не успело стадо скрыться в переулке, ещё ползла, клубясь по земле, потревоженная многочисленными копытами пыль, как Толик заметил группу, направляющихся к нему людей. Парень опустил голову, узнав каждого.

– С возвращением! – подходя, мужчины по очереди пожали руку Толика. – А мы сейчас прямо с поля. Ездили смотреть на всходы озимой пшеницы. Хорошие снега лежали, так что зеленеет красавица.

– Главное, чтобы весна дождливой была, – не встречаясь

взглядом с гостями, негромко проговорил парень.

В ответ, один из мужчин засмеялся:

– Да это не беда, у нас оросительные системы везде. Подэкономили малость и купили. А теперь подавно, никакие проблемы не испугают. Наконец-то вздохнём спокойно. С тобой нам ничего не страшно.

– Со мной? – эхом переспросил Толик. – Вряд ли я здесь кому-то нужен. Нет, дядь Валер, я решил уехать в город. Так будет лучше всего.

Мужчина достал сигарету закуривая:

– Обижен ты сильно, – кивнул он, рассматривая ухоженный сад, небольшие клумбы с пионами, белоснежные аллеи нарциссов, – не сумели отстоять... Но ведь пытались, Толя. Ещё как пытались! Мужики подтвердят. Только слушать, кто нас станет?

– Дело не в обиде, – покачал головой Толик. – Просто... я устал. Надоело...

– А ты не спеши, не спеши, – веско проговорил второй из гостей. – В Бережках многое изменилось. Тот продаж-

ный лис, бухгалтер Андрея Тимофеевича, оказался изрядным жуликом. Когда ты уехал и контролировать его не было кому, проходимец потихоньку, втайне от хозяина, начал распродавать земли, а деньги себе на счета сбрасывать. Твой отчим ошибку-то понял, да поделаться уже ничего не мог. Вот мы с ребятами и подумали: всё спустит «крыса», работать негде станет. У каждого небольшие сбережения были, сбросились и прикупили чуток земли. Маловато, конечно, но первый урожай собрали, да и озимую засеяли.

Толик грустно улыбнулся:

– Мне нечем вам помочь. Я ведь действительно не брал тех денег.

– А в этом никто и не сомневается, – жестоко отрезал гость. – Пойдёт прибыль, ещё купим. Нам толковый человек нужен. Мы ведь привыкли работать. Бумаги, договора, кредиты для нас – тёмный лес.

– И вам не страшно, – тихо спросил парень, – после такого обвинения, предлагать мне должность?

Собеседник крепко сжал плечо Толика:

– Даже не думай. Никто из односельчан не поверил обма-

ну. Но, что толку говорить об этом? Андрей и так достаточно наказал. Твой же дом здесь. Никуда сбегать ты не должен! Да и Верку оставишь одну. А у неё жизнь не сахар, посмотри, какой вокруг порядок, и это при больном-то отце.

Глава 6

Алексей Викторович время от времени беспокойно пере­кладывал бумаги, сортировал всевозможные ручки, каран­даши. И хотя его посетитель ещё не произнёс ни слова, в кабинете казалось неуютно от неподвижного, пристального взгляда главного из Ароновых.

Не выдержав долгой паузы, доктор снова заговорил сам:

– У Влада сейчас тяжёлый период, этот срыв вполне объ­ясним. Мы должны...

– Я к внуку, – коротко бросил Леонид Владимирович. Не взглянув на собеседника, он торопливо направился к выхо­ду.

Леонид Аронов уже разменял седьмой десяток, хотя столько ему никто бы не дал. Спортивное телосложение, во­левое лицо. Седина только изредка пробивалась в его густых, волнистых, темно-каштановых волосах.

Зная упрямый характер внука, мужчина готовился к жёстким баталиям. Но взявшись за ручку двери, Леонид

Владимирович прикрыл глаза, он никак не решался войти. Сердце щемило, отдаваясь горечью. Всё же сделав усилие, Аронов постучал.

– Влад, – войдя в комнату, негромко позвал.

Парень спал. Неровное, сдавленное дыхание время от времени прерывалось. Прогулка отняла все силы, и Влад был вынужден подчиниться доктору.

Дед, стараясь не шуметь, подошёл ближе. Восковое, жёлтое лицо внука пугало. Глубокие круги под глазами, воспалённые от постоянного жара губы. И это... это его Влад! Его гордость, его единственный наследник.

Мужчина почувствовал, что не в силах больше стоять. Он грузно, устало опустился на краешек кровати.

– Что же ты наделал? – едва слышно прошептал Аронов. – Глупая – глупая старуха! О, если бы ты это видела! Почему же и меня не прихватила с собой?

* * *

Когда-то давно, только окончив финансовую академию, Леонид Владимирович даже мечтать не мог о такой голо-

вокружительной карьере. Нет, мечтать он, конечно, мечтал. Уже тогда его амбиции были выше, чем у остальных ребят. Да и сама судьба ему подбрасывала нужные козыри. Родился Леонид в семье известного пианиста. Но звёздный путь отца не прельщал парня. Целеустремленная натура искала свою тропку. Как мозаику он её собирал. Картинка к картинке, пазл к пазлу. Взбираясь, всё выше и выше. И уже его собственные успехи затмили, когда-то громкую славу знаменитого родителя. Став одним из влиятельнейших учредителей банковской сети, Леонид Владимирович заставил фамилию Ароновых зазвучать с неслыханной силой.

Будущую жену знаменитый финансист встретил рано, вот только недолгой оказалась их совместная жизнь. После рождения сына, Света никак не могла поправиться, и, несмотря на все усилия докторов, через три года умерла. Создать новую семью Аронов даже не пытался. У него подрастал сын. Сообразительный, серьезный мальчик, усидчивостью, напористостью так похожий на отца. Он с отличием окончил академию, а потом, в чём никто и не сомневался, продолжил путь Аронова старшего.

Коля уважал своего строгого родителя, не замечая, что принципы диктатуры распространяются и на него. Леонид Владимирович сам выбрал сыну жену, дочь одного очень выгодного ему компаньона. Николай ни разу не пожалел о том,

что согласился на этот брак. Покладистый, спокойный характер Ольги помогал преодолевать трудности первых лет, сглаживать неприятные моменты. А со временем, Николай искренне полюбил жену. Единственное, что омрачало их семейную идиллию, отсутствие детей. Годы бесконечного, напрасного ожидания. Эта тема в семье Ароновых была закрытой. Никто не упрекал Ольгу, не давил на неё, но в глазах девушки всё отчетливее виднелась печаль. Даже в прессе стали появляться заметки о грустной красавице, у которой всё есть, кроме счастья материнства. Николай также переживал из-за отсутствия наследника. Кому останется их миллионное состояние, для кого потрачена жизнь? Но и эту проблему, как всегда, решил Леонид Владимирович. Однажды он приехал домой, держа маленький свёрточек. Мужчина подозвал сына и невестку:

– Малышу нет ещё и недели, – строго проговорил Леонид. – С этой минуты вы его родители. Лучшие в мире! Он должен никогда не усомниться в ваших чувствах. В противном случае – пеняйте на себя!

Для Ольги слова тестя были излишними. Она дрожащими руками взяла конверт. Когда же, отбросив край одеяльца, увидела спящее личико, глаза наполнились слезами. Если бы Николай вовремя не подхватил жену, она бы упала от переполняющих её чувств. С этой минуты для Ольги весь

мир стал враждебным. Он мог чем-то обидеть её кроху. Разлучить с самым ценным. С замиранием сердца, Ольга вслушивалась в тихое сопение младенца, крепко прижимая его к груди.

Николай тоже с трепетом отнёсся к ребенку. Он, как и обычно, был благодарен отцу за разрешение сложной для них проблемы.

Но всё это и в сотые доли не могло сравниться с чувствами самого деда. Каждую свободную минуту он проводил с крохой, потакая малейшим его желаниям. Они вместе катались на качелях, играли в догонялки, строили замки, побеждали грозных злодеев. Для Леонида Владимировича не было большей награды, когда устав от игр, шалун обнимал его за шею, по-детски бесхитростно заявляя:

– Дед, ты самый лучший!

Не удивительно, что при всеобщем обожании, мальчик рос своевольным, упрямым. Влада многое увлекало. Плавание с аквалангом, путешествия по странам Южной Америки, изучение быта древних греков, прыжки с парашютом. Дед во всех шальных затеях поддерживал внука. И даже, когда Влад, окончив школу, не спрашивая ни у кого совета, поступил в военно-воздушную академию, дед с улыбкой отстаивал

выбор парня. Леонид Владимирович, который с нуля создал огромную империю, посвятил ей всю жизнь и мечтал передать своему любимцу, сейчас, как ни в чем не бывало, пытался успокоить Николая, для которого новость стала шокирующей.

– С меня достаточно и одного финансиста, – заговорщицки подмигивая новоиспеченному курсанту, Аронов резко перебил пылкую, полную упреков речь сына. – Влад имеет право заниматься тем, к чему лежит его душа.

Конечно, в тайне Леонид Владимирович надеялся, что это всего лишь юношеское увлечение. И со временем, бизнес перейдет в надёжные руки молодого хозяина.

На совершеннолетие Аронов старший подарил Владу блестящий словно игрушка, белоснежный вертолёт. И хотя парень ещё мог летать только с пилотом, лучшего подарка придумать было невозможно. Ничто на свете не могло сравниться, когда стальная птица поднималась ввысь. Парила в воздухе то зависала, то снова уходила в безграничные просторы синевы. Дед благодушно наблюдал, как внуку понравился его подарок. Иногда Влад брал и Леонида Владимировича с собой. Да даже Ольга и та соглашалась на редкие прогулки в небо, с грустью замечая, что её малыш уже вырос.

Глава 7

Окончив первый год обучения, Влад отправился в когда-то любимые им страны Южной Америки, отдохнуть, набраться сил. Месяц пролетел незаметно, и парень, соскучившись по близким, спешил домой. В аэропорту он неожиданно заметил школьного приятеля. Сергей обрадовался встрече. После обычных приветствий, одноклассник многозначительно прищурился:

– Ну, что, Аронов, может, продолжим наше состязание?

– А есть достойная кандидатура? – снисходительно поинтересовался Влад.

– Ха! Девчонки, как море, они неиссякаемые! Поехали, я тебя познакомлю с одной крошкой.

Влад устало усмехнулся:

– Я только с самолёта. Стоит ли она потраченного времени?

– Увидишь! – пообещал друг.

Официант почтительно поздоровался с приятелями. Небольшой, но уютный ресторан в северной части столицы был излюбленным местом молодёжи. Посмотрев в указанном Сергеем направлении, Влад равнодушно пожал плечами:

– И что же в ней особенного? Лицо обычной модельной пустышки.

– Не скажи! – обиделся Сергей. – Не так-то малышка и заурядна. Её семья только вернулась из Лондона. Соскучились по родине предков. К ней не просто подкатить: холодна, как айсберг! Я уже два раза получал от ворот поворот. Ну, так как, играем? Или же сразу сдаёшься?

В ответ Влад засмеялась:

– А такое когда-то бывало? Ладно, я принимаю пари!

Аронов знал себе цену. Спортивное телосложение, большие тёмно-голубые глаза и обаятельная улыбка – на девочек действовали безотказно. Журналисты часто оповещали о новых увлечениях Аронова-младшего. Но Влад неизменно на все назойливые вопросы только шутил:

– Единственное моё увлечение – небо! Оно ревнивое и несогласно делиться ни с кем.

* * *

Домой Влад возвращался далеко за полночь. Июльская жара наконец-то уступила порывистому ветру. В воздухе чувствовался лёгкий аромат дождя. Тёмное небо затянули мохнатые, молочно-дымчатые тучи. Ветер срывал первые крупные капли.

Подъезжая к дому, Влад заметил на обочине женщину, кутавшуюся в шарф, она пристально, жадно всматривалась в его машину. Парень не придал этому особого значения, решив, что старушка просто ждёт кого-то. Когда же Влад подъехал ближе, незнакомка вдруг резко бросилась под колёса. От неожиданности водитель со всей силы нажал на тормоза, пытаясь предотвратить столкновение. Последовал глухой удар о капот. «Nissan» потерял управление, съехал на обочину, опасно накренившись. Влад выскочил из машины, подбежал к неподвижно лежавшей на асфальте женщине. От удара её шарф сполз на плечи, а по седым волосам стекала струйкой кровь.

– Вы меня слышите? – парень наклонился, пытаясь приподнять незнакомку. – Всё... всё будет хорошо. Я сейчас вы-

зову скорую. Только не молчите. Скажите хоть слово!

Бабушка чуть приоткрыла затуманенные от боли глаза. Её морщинистая рука дёрнулась, желая прикоснуться к юноше.

– Хороший мой. Маленький, единственный, – голос старушки был, едва различим. – Я... я не хотела этого... Но я счастлива... наконец-то счастлива. Я увидела тебя... за сколько лет. Хоть раз. Ты ни в чём не виноват, я... я очень... очень хотела увидеть тебя...

На дороге начали останавливаться машины, люди плотным кольцом столпились вокруг «Nissana».

– Что произошло? Кто-то вызвал скорую? – последовали один за другим вопросы. Но Влад не в состоянии был отвести взгляд от бледного лица женщины. Холодные капли дождя барабанили по асфальту, размывая алую лужицу крови.

Пронзительный, резкий вой сирены оглушил собравшуюся толпу. Только с помощью полицейских, докторам удалось раздвинуть любопытных зевак. Мед. персонал заслонил старушку, оттесняя мешавших людей.

– Пройдёмте со мной, – обратился к Владу молоденький лейтенант. Парень кивнул, но остался на месте.

– Кто она? – негромко спросил.

Полицейский неопределенно пожал плечами:

– Это ещё предстоит выяснить. Пойдёмте, здесь вы ничем не поможете.

Влад почувствовал, как кто-то крепко сжал его плечо, подняв голову, парень увидел деда. Леонид Владимирович был непривычно бледным, его даже пошатывало:

– Это всего лишь несчастный случай, – жёстко отчеканил Аронов. – Ты ни в чем не виноват.

А потом, как бы забыв о внуке, Леонид Владимирович опустил голову и неподвижно застыл на месте. Ему не было дела до спящих людей, до прибывших адвокатов. Да и внимательно наблюдающий за ним Влад, сейчас не имел никакого значения.

Глава 8

Влад и сам не понял, как оказался в полицейском участке. Словно в тумане, он односложно отвечал на бесконечные вопросы, даже не пытаясь что-то объяснить. Какая разница? Главного не изменишь. Перед глазами стояло лицо бабушки. Каждая её морщинка. Монотонный голос следователя раздражал.

За окном уже светало. Дождевые тучи рассеялись, только иногда вдали слышалось раскатистое урчание грома.

Задав тысячу вопросов, следователь попросил Влада подписать какие-то бумаги и отпустил домой. Парень понимал: вряд ли ему поверили, но внук Леонида Аронова не мог быть причастен к скандальной истории.

Николай ждал сына в машине. Отец сразу заметил хмурый взгляд парня, потому молча завёл мотор. Утренняя дорога походила на оживленный муравейник. Спешащие такси, переполненные автобусы, малолитражки. То тут, то там возникали пробки. Часто приходилось объезжать, перестраиваться на другую полосу. Николай не пытался сократить путь, он специально давал сыну время успокоиться.

Когда автомобиль въехал в ворота и остановился перед домом, Влад, не взглянув на отца, открыл дверцу. Николай придержал его за руку:

– Подожди немного...

Парень с вызовом обернулся. Большие, голубые глаза лихорадочно блестели.

– Не бери в голову, – не громко проговорил Николай.

Сын скептически усмехнулся:

– А ты хоть мне веришь?

– У меня никогда не возникло повода к недоверию, – спокойно ответил отец.

Влад устало откинулся на спинку кресла, прикрыв глаза:

– Извини, – прошептал он. – Но я ведь знаю, там... там никто не поверил в несчастный случай. И всё же... меня отпустили! Отпустили только потому, что я Аронов!

Николай тяжело вздохнул:

– Влад, пройдёт несколько дней, и ты всё забудешь.

– Наверное, – колко усмехнулся парень. – Подумаешь, сбил старуху! Велика беда!

Отец слегка сдавил плечо сына:

– Не глупи, ты же понимаешь, я не это имел в виду.

– Не нужно, – отрезал Влад. – Со мной всё в порядке.

* * *

Не раздумывая, парень направился в кабинет деда, он без стука открыл дверь:

– Можно? Не помешаю? – спросил, присаживаясь в кресло.

Плотные портьеры, создавали полумрак. Леонид Владимирович нехотя повернулся к внуку, отрываясь от воспоминаний. Аронов безошибочно определил состояние парня, но лишь слабо улыбнулся:

– Влад, тебе не пять лет. Ты отлично знаешь, на дорогах

иногда случаются аварии, и порой похуже этой. Здесь же ты ни в чём не виноват. Не стоит делать трагедии из...

– Возможно, – колко усмехнулся Влад, – но, согласишься, я не каждый день становлюсь причиной смерти.

Дед вздохнул:

– Просто отдохни... Со временем всё забудется.

– Кто она? – перебил внук.

Леонид Владимирович плотно сжал губы, потом жёстко отчеканил:

– Вопрос к следователю. Уверен, он уже имеет информацию.

– Спасибо за совет, – парень внимательно смотрел в ледяные глаза собеседника. – Дед, ты, кажется, забыл, я не один из твоих служащих и даже не отец, отделаться от меня не выйдет. Следователь расскажет, только то, что тебе будет угодно. А я хочу знать правду!

Леонид Владимирович вскинул голову:

– Обычная сумасшедшая, – выделяя каждое слово, проговорил он. – Остальное тебя не касается!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.